

УДК 340.11

ПРИНЦИП ПРАВА КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Н. В. Малиновская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 13 марта 2010 г.

Аннотация: в статье рассматривается эволюция категории «принцип права» как объекта правовой интерпретации в российской теоретико-правовой науке. Автор акцентирует внимание на роли герменевтического метода в формировании понятия «принцип права» и его последующем развитии. Обозначаются перспективы актуального исследования данной правовой категории в русле идей философской герменевтики.

Ключевые слова: принцип права, толкование права, философская герменевтика, правовая герменевтика.

Abstract: in the article the evolution of the category «principle of law» as the object of legal interpretation in Russian theoretical legal science is considered. The author pays attention to the role of hermeneutical method in forming of the concept of «principle of law» and in its following evolution. Prospects of modern research of this legal category in channel of ideas of philosophic hermeneutics are being revealed.

Key words: principle of law, legal interpretation, philosophic hermeneutics, legal hermeneutics.

Одной из главных задач теории права является выработка общих правовых понятий, категорий, используемых и детализируемых впоследствии отраслевыми науками. Являясь результатом обобщения и абстрагирования, понятия формируются в ходе диалектической обработки правового материала, т.е. в процессе толкования различных объектов правовой действительности. Но и будучи сформированными, правовые категории не освобождаются от влияния интерпретации и продолжают развиваться как ее самостоятельные объекты. Более подробно рассмотреть данную динамику можно на примере эволюции категории «принцип права» в российской теоретико-правовой науке.

С общенаучных позиций «принцип» определяется как научное или нравственное начало, основание, правило, основа, от которой не отступают¹; исходное положение какой-либо теории, учения, мировоззрения². В философском смысле принцип понимается как теоретическое обобщение наиболее типичного, положенное в основу чего-либо. Ф. Бэкон называет принципы «первичными и наиболее простыми элементами, из которых

¹ См.: *Даль В. И.* Толковый словарь русского языка. М., 1999.

² См.: *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. М., 2000.

© Малиновская Н. В., 2010

образовалось все остальное»³. Философская проблема первооснов, принципов природы вещей активно обсуждалась со времен древнегреческой философии. Однако до сих пор вопрос о принципах в правовой сфере является открытым, а его предлагаемые решения — неоднозначными и дискуссионными.

В римском праве — истоке развития правовых систем светского толка — принципы не являлись самостоятельным объектом изучения. Римские юристы не ставили своей задачей выведение общих принципов из сложной системы казуистических норм. Изложенные в Дигестах Юстиниана «широкие нормы» (*regulae*) в действительности были извлечены из вполне определенных прецедентов и в отрыве от них в римском праве не применялись. Так, заключительный титул 50.17 Дигест объединяет 211 подобных норм, которые, по словам юриста Павла, служили скорее дидактической цели облегченного запоминания обширного текста и «ни один римский юрист не относился к ним как к отвлеченным принципам»⁴.

Однако в римском праве все же можно усмотреть некие прототипы принципов права. Таковыми являлись общие положения, которыми всегда руководствовались при толковании закона, — это требования справедливости (*aequitas*), учета природы вещей, разумности и заботливости при осуществлении личных прав⁵. Эти положения, имевшие наименование *ratio decidendi*, широко использовались для преодоления пробелов в законодательстве, которое в силу казуистичности норм оставляло неурегулированными многие общественные отношения. Однако данные «квазипринципы» восходили скорее к общему пониманию права (*jus*) как олицетворения справедливости, находящегося в гармонии с устройством мироздания в целом, и не возводились римскими юристами в непременную основу каждой нормы.

Необходимость формулирования общих правовых принципов впервые возникла в эпоху Средневековья. Проблема взаимодействия и разграничения полномочий между духовной и светской властью породила ключевой вопрос о поиске путей примирения двух независимых структур. Поиск компромиссов в политической сфере отразился и на сфере права путем обогащения ее схоластическим методом исследований.

Последний получил широкое применение в устранении противоречий между библейскими текстами. Приведение противоположных мест Священного Писания к общему знаменателю производилось путем выведения общей для них посылки. Целью схоластических диспутов было не определение правильности одного из двух суждений, а предложение нового, более общего третьего — в качестве примиряющего конфликт. Впоследствии данный метод получил широкое распространение и в праве, тем более что оно также столкнулось с проблемой согласования противоречивых текстов.

³ Бэкон Ф. О принципах и началах. М., 1937. С. 22.

⁴ Берман Г. Дж. Западная традиция права : эпоха формирования. М., 1994. С. 141.

⁵ Подробнее об этом см.: Хвостов В. М. Опыт характеристики понятий *aequitas* и *aequum jus* в римской классической юриспруденции. М., 1895.

В XI—XII вв. Европа заново открыла для себя значение Дигест Юстиниана, положения которых подчас были не менее противоположными друг другу, чем библейские тексты. Однако, осознавая правовую ценность Дигест, западноевропейские юристы видели свою задачу в том, чтобы превратить их в эффективный регулятор актуальных общественных отношений. И единственным решением этой задачи было выведение из самого текста Дигест общих начал, правовых максим, которые систематизировали бы разрозненную совокупность норм и способствовали преодолению их казуистичности. Это происходило путем мыслительных операций различения и подразделений, осуществляемых до тех пор, пока не обнаруживалось бы общее основание, позволявшее выйти из противоречия⁶.

Наиболее показательным примером применения диалектического метода в юриспруденции является трактат болонского монаха Грациана. Выводя принцип из ограниченного числа ситуаций, он распространял его действие на все подобные случаи в качестве общей посылки, из которой они вытекали.

Характерно, что, будучи выработанным европейскими юристами эпохи Средневековья, понимание принципов права как абстрактных начал получило отражение и в современном правоведении⁷, поскольку всегда при их использовании оставалось некое пространство неопределенности. Это вполне соответствовало религиозному духу эпохи Средневековья, ставившей перед человеком проблему свободного выбора между добром и злом, и нашло отклик в немецкой философии права XIX в., которая, как известно, оказала значительное влияние на взгляды российских правоведов до революционного периода.

Так, Г. Пухта видел «зародыш права» в свободе⁸. Ее содержание определяется существованием Божественной воли, которая в качестве абсолютнейшей свободы довлеет над волей личности, предлагая встать на путь идеала (добра) или пребывать в ложной свободе, находясь на самом деле в путях человеческих страстей. Именно из свободы как наличия у человека воли, способности самоопределения в поступках выводится его правосубъектность. Из «идеи» свободы следует принцип равенства. Интерпретируя положение о равном обладании людьми волей, Пухта делает заключение о равномерной принадлежности им свободы. И наконец логическим выводом из принципов свободы и равенства становится справедливость, заключающаяся в признании равной свободы других и ограничении собственного произвола. Несмотря на то, что осмысление указанной триады принципов права носит у Пухты философский характер, он соглашается с необходимостью учета в процессе юридической интерпретации лишь признанных законодателем принципов, отождествляя их тем самым с содержанием нормативных актов.

⁶ См.: *Царьков И. И.* О правовых принципах средневековой юриспруденции // Правоведение. 2003. № 2. С. 204.

⁷ См.: *Берман Г. Дж.* Указ. соч. С. 149—152; *Царьков И. И.* Указ. соч. С. 206.

⁸ *Пухта Г.* Энциклопедия права. Ярославль, 1872. С. 6.

Более практической позиции, близкой римским юристам, придерживался Ф. К. Савиньи. Сравнивая действия в обязательствах и сервитуты, он выводил характерный для них общий принцип, по которому ограничение естественной свободы (лица или собственности) должно было допускаться и охраняться юридическими институтами не свыше действительных потребностей гражданского оборота⁹. Так, существование сервитутов, дабы не ограничивать без необходимости свободу собственности, ограничивается в продолжительности и объеме прав. Обязательство, ограничивающее личную свободу должника, также имеет свои временные пределы. Более того, целью установления обязательств может быть только уверенность в исполнении, но не подчинение личности должника. В данном учении Савиньи можно усмотреть конкретизированное проявление общего принципа свободы.

Очевидно, немецкими учеными были заданы направления рассмотрения принципов права. Однако в связи с отсутствием столь определяющего влияния на российскую систему права Дигест Юстиниана отечественное правоведение дореволюционной эпохи не уделяло пристального внимания проблеме правовых принципов. А если это и происходило, то скорее в философском аспекте рассуждений о сущности права.

Так, отталкиваясь от природы права как синтеза личной свободы и общего блага, И. В. Михайловский говорит о принципе равенства как вытекающем из самой «идеи права»¹⁰. Исходя из посылок признания свободы за каждой личностью и требования наделения каждого тем, что ему причитается согласно закону, он делает вывод о равенстве людей именно «как людей вообще, как разумно-нравственных, свободных существ». Таким образом, истоком принципа равенства для Михайловского является общеправовая идея свободы.

М. Капустин опосредует формальное равенство не столько идеей свободы, сколько — справедливости¹¹. Говоря о природном неравенстве сил и возможностей людей, он видит его правовое отражение в принципе соразмерности или справедливости как направляющей для права силы.

В целом рассуждения о принципах права отечественных правоведов дореволюционного периода сводились скорее к их перечислению, нежели определению значения и роли в правовой системе. В качестве исключения можно привести учение В. М. Хвостова, который представляет общие правовые принципы в виде некоего «социального идеала», к которому, хотя и не всегда осознанно, стремится общество. Социального идеала не всегда можно достичь, но само стремление к нему позитивно, так как является мощным стимулом изменения, прогрессивного развития общества. Общий социальный идеал сопряжен с понятием благосостояния как гармонии личных и общественных интересов. Благосостояние индивида зависит от возможности свободно развивать свои свойства и задатки. Общественное

⁹ См.: Савиньи Ф. К. Обязательственное право. М., 1876. С. 6—7.

¹⁰ Он подчеркивает, что любая норма строится на основе некоей идеи, которая определяет излагаемое правило поведения (см.: Михайловский И. В. Очерки философии права. Томск, 1914. Т. 1. С. 39, 461).

¹¹ См.: Капустин М. Теория права. Общая догматика. М., 1868. С. 57—58.

благополучие состоит в свободном развитии социального целого на почве разнообразия свойств и задатков входящих в его состав людей. При этом цели индивида и общества должны быть взаимно учтены.

В данном балансе и заключается справедливость как высший социальный идеал: благополучие общества должно основываться на благополучии индивида, однако последний обязан умерить свой эгоизм и действовать, принимая во внимание общественные интересы. Действие принципа справедливости делает возможной реализацию идеи свободы: индивид не ограничивает своим произволом свободу общества, а общество не препятствует свободному развитию личной самостоятельности.

Интерпретация Хвостова выдвигает принцип справедливости на роль наивысшего социального идеала, к которому перманентно стремится общество. Однако в связи с динамикой культурного развития и изменением общественных отношений меняются и конкретные социальные проблемы, подлежащие разрешению на основе принципа справедливости. Соответственно меняются и способы их разрешения. На основании этого можно сделать вывод о неизменном существовании социального идеала (общего принципа), который с течением времени может получать новое смысловое наполнение.

Суммируя имеющиеся рассуждения о правовых принципах дореволюционной юридической науки, можно сказать, что она не стремилась к определению их сущности. Скорее все они служили определению сущности права. Понимание одного принципа герменевтически выводилось из понимания другого. Само рассуждение о принципах права как высших, наднормативных началах вращалось вокруг триады: свобода, равенство, справедливость, которые и являли собой взаимосвязанные объекты интерпретации.

Однако не все рассматривавшие принципы права ученые вели рассуждения по указанной схеме. Особняком среди них выделяются позитивистские взгляды Г. Ф. Шершеневича. Он рассматривает понятие принципа исключительно как элемента правоприменительной деятельности, что объясняет последующее противопоставление им начал законности и справедливости.

Шершеневич допускает тот факт, что применение правовой нормы по ее буквальному смыслу зачастую может приводить к результатам, оскорбляющим чувство справедливости. При этом сама справедливость, отождествляемая ученым с целесообразностью, состоит в приспособлении смысла нормы к конкретным случаям для устранения нежелательных, подрывающих авторитет нормы последствий. Однако следование справедливости неизменно означало бы посприятие требований законности и угрозу судейского произвола¹². А принцип законности Шершеневич ста-

¹² Сходное мнение наблюдается у Е. В. Васильковского, считающего весьма спорными принципы права в целом, поскольку, если ими руководствоваться, то «дело сведется к полному и бесконечному судейскому усмотрению, от которого недалеко и до произвола (см.: *Васильковский Е. В.* Руководство к толкованию и применению законов. М., 1997. С. 102).

вит превыше всего, поскольку в возражении против него видит отрицание самой нормы права. Очевидно, такое определение роли общих принципов обусловливается целеполаганием нормы (она устанавливается в целях недопущения многообразия) и пониманием самой сущности нормы, как изначально не приемлющей конкретность. Так, применяя телеологический и системный¹³ способы толкования, Шершеневич приходит к выводу о приемлемости принципа справедливости не для правоприменительного, а скорее, — для законотворческого процесса. Противоречие между принципами права разрешается путем разграничения сферы их действия, что влечет признание необходимости различать принципы, лежащие в основе законодательного и в основе правоприменительного процесса.

Если в дореволюционный период об отождествлении принципов и норм права можно говорить лишь косвенно — на первый план выступало философское обоснование принципов, хотя и взаимообусловленная, но интерпретация их сущности, — то в советскую эпоху тенденция опосредования принципов права правовыми нормами стала проследиваться весьма явно. Специфика понимания принципов права была определена преобладанием исторического способа толкования. Советские правоведы были ограничены узкими рамками доктрины социализма, которая поначалу особенно резко противопоставлялась буржуазной идеологии. Очевидно, стремлением как можно более решительно отвергнуть основы государственности буржуазного типа объясняется интерпретация отдельных правовых принципов в полном противоречии со всем предшествующим философско-правовым опытом. Так, в отдельной учебной литературе по теории права присутствует резкое противопоставление формального равенства в буржуазном праве как прикрывавшего фактическое неравенство «действительному распределению материальных благ при социализме»¹⁴. Налицо стремление к фактическому уравниванию материальных возможностей людей, что изначально возводилось в абсолют коммунистическим правительством: отмена частной собственности, уравнивание уровня дохода работников физического и интеллектуального труда — все это свидетельствовало о попытках доказать соответствие социалистического права реалиям в противовес фиктивности буржуазного права.

С течением времени, по мере укрепления советской власти, необходимость в столь резком противопоставлении типов права отпала и появилась возможность уделить большее внимание сущностным особенностям правовых принципов. Достижением правовой научной мысли советского периода может считаться выделение двух аспектов понимания принципов права: как принципа-нормы и принципа-идеи.

¹³ В данном случае речь идет о совокупной интерпретации понятий сущности нормы права и правопорядка, несовместимого, по мнению ученого, с постоянной приспособляемостью норм к различным жизненным ситуациям (см.: Шершеневич Г. Ф. Философия права. Т. 1 : Общая теория права. М., 1911—1912. Вып. 4. С. 709, 713.

¹⁴ См., например: Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. М., 1940. С. 209.

Доминирующим для науки рассматриваемого времени являлось определение принципов права как *исходных, руководящих начал формирования, развития и функционирования права, отражающих закономерности общественной жизни*.

Опираясь на марксистское учение о базисе и надстройке, а также на изречение Ф. Энгельса о том, что в ходе «правового развития» осуществляется перевод «экономических отношений в правовые принципы»¹⁵, правоведы делали вывод о том, что по сути своей принципы права есть отражение экономических отношений. Подобно тому, как базис оказывает определяющее влияние на надстройку, принципы права определяются экономическими реалиями. Они концентрируют и обобщают в себе знания общества о сути явлений и процессов, итогом чего является формирование идеала. Таким образом, от понимания действительности переходят к представлениям о должном — т.е. к *идеям*¹⁶. Далее, разумеется, приходили к выводу об отражениях правовыми идеями-принципами коммунистических идеалов.

Идеалы, объективные по своей сути в силу отражения общественных потребностей на конкретном историческом этапе, постепенно приобретают субъективные черты. Первой стадией такого преобразования является теоретическое определение общих идей-принципов, второй — их отражение в конкретных правовых нормах и завершающей — установление правопорядка. Налицо некое подобие герменевтического круга, когда возникающие в сфере правосознания принципы получают закрепление в тексте правовых норм и в результате регулярного соблюдения последних вновь переходят в сферу правосознания. В дальнейшем при изменении потребностей общества происходит трансформация понимания принципов права — изменение их содержания или даже отказ от них. Итогом этого является назревающая необходимость изменения содержания правовых норм и установления правопорядка на иных правовых началах.

Интерпретация принципа как «идеи», несмотря на значительную идеологизированность, имела существенное значение, поскольку, исходя из понимания правовых принципов как принадлежащих сфере духа права, не позволяла выводить их из содержания права¹⁷.

Другим немаловажным следствием такого толкования был вывод о том, что в качестве идейно-правовой основы принципы права опосредуют всю его систему, где нет таких норм, в которых не проявлялись бы принципы¹⁸.

Наконец, из понимания принципов как идей выводилось заключение о том, что конечным пунктом их реализации являлось отнюдь не текстуальное закрепление в нормах права, но — воплощение в правопорядке

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 418.

¹⁶ См.: Васильев А. М. О правовых идеях-принципах // Сов. гос. и право. 1973. № 3. С. 12.

¹⁷ См.: Там же. С. 15; Его же. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 221—222.

¹⁸ См.: Лившиц Р. З., Никитинский В. И. Принципы советского трудового права // Сов. гос. и право. 1974. № 8.

как отражении того идеала, из которого первоначально были выведены сами принципы. Этому способствовало представление о самостоятельном регулятивном значении правовых принципов, возможном и без опосредования нормами — путем спонтанного включения в правосознание индивидов. По данным социологических исследований, правовая информированность граждан строилась, главным образом, на знании ими общих правовых принципов при отсутствии детальной осведомленности о конкретных правовых предписаниях¹⁹. Сказанное в очередной раз подтверждает круговую динамику интерпретации принципов права, когда из субъективного преломления в правовых нормах они переходят в содержание объективных общественных отношений.

Наряду с представлением о принципах как идеях в советский период правовая мысль вывела понятие «нормы-принципа». Так, С. С. Алексеев, интерпретируя тексты советских нормативных правовых актов, приходит к выводу о существовании «декларативных» норм, определяя их как те нормы, в которых сформулированы правовые принципы. Характерно, что существовавшая еще в отечественном правоведении дореволюционного периода убежденность в необходимости применения лишь принципов, четко сформулированных в нормативных актах, была воспринята и советской правовой мыслью. В ней проводилось разграничение между принципами правосознания и принципами-нормами, где первые могли и должны были направлять процесс законотворчества, в то время как вторыми следовало руководствоваться в правоприменительной деятельности.

Сказанное, в свою очередь, объяснимо объективным стремлением коммунистической партии удержать власть за счет неукоснительной реализации буквального смысла предписаний издаваемых ею нормативных актов. В результате практически всеми правоведами в качестве наиболее общего принципа права единогласно называется принцип социалистической законности²⁰. Наряду с ним в числе общеправовых принципов перечисляются принципы социальной справедливости, юридического равенства, социальной свободы, гражданского долга (дисциплины), объективной истины, ответственности за вину.

Обобщая достижения советской правовой доктрины в сфере интерпретации принципов права, можно заключить, что они в большей степени были опосредованы историческим способом толкования права. Идеологизированный характер интерпретации не только тесно увязывал принципы с текстом нормативных актов, но и приводил к рассмотрению их идейной, сущностной составляющей. Однако доминирующее положение социалистической законности в иерархии правовых принципов жестко связывало правоприменителя содержанием текста нормативного акта. Несмотря на использование преамбул как объектов толкования, предполагалось, что изложенные в них принципы получают детальное изло-

¹⁹ См.: Социология права / под ред. Ю. А. Тихомирова, В. П. Казимирчук. М., 1973. С. 72—73.

²⁰ См.: Алексеев С. С. Проблемы теории права : в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1; Лукашева Е. А. Принципы социалистического права // Сов. гос. и право. 1970. № 6.

жение в каждой из статей конкретного нормативного акта, а стало быть, самостоятельно не применяются.

Правоведение постсоветского периода до сих пор в полной мере не освободилось от влияния предшествующей эпохи. Это тем более ярко прослеживается на примере рассмотрения понятия принципов права. Во-первых, приходится констатировать, что современная теоретико-правовая наука уделяет весьма незначительное внимание вопросу о правовых принципах. Некоторые авторы объясняют это предшествующей предельной идеологизированностью данной темы, которая якобы оттолкнула от нее современных ученых²¹. Во-вторых, большинство определений, даваемых принципам права, выглядят полными аналогами их предшественников советского периода²².

Однако построение современной российской системы права на основе общепризнанных международных принципов и норм, безусловно, изменило направление интерпретации категории «принцип права». Круг объектов толкования, направленного на выявление перечня правовых принципов, пополнился международно-правовыми актами (Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Европейская конвенция о правах и свободах человека и гражданина 1950 г. и др.) и нормами Конституции РФ. Учитывая благоприятное влияние данной тенденции, нужно отметить и ее негативные моменты. Так, многие авторы, рассуждая о принципах права, не затрагивают их сущностный момент и ограничиваются пересказом текста статей соответствующих нормативных актов²³.

Провозглашение прав человека высшей ценностью привело к своеобразной фетишизации актов, в которых это было сделано, в связи с чем ученые по-прежнему остаются связанными текстуальным изложением норм, а в понимании принципов права преобладает нормативистский уклон. По мнению автора единственной на сегодняшний день отечественной монографии, посвященной общетеоретическому рассмотрению принципов права, последние являют собой «производную норм»²⁴. Нормы права считаются находящимися на достаточном уровне абстракции, чтобы увеличивать его посредством принципов права как их обобщений: «сохранение «вектора» действия принципов права в виде дальнейшего абстрагирования из уже достаточно абстрактных норм «писаного» пра-

²¹ См.: *Протасов В. Н.* Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. М., 2001. С. 254.

²² См., например: *Теория государства и права* : учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. М., 2009; *Байтин М. И.* О принципах и функциях права: новые моменты // *Правоведение.* 2000. № 3; *Теория государства и права* : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2007; *Любашиц В. Я.* Теория государства и права. Ростов н/Д, 2006.

²³ См.: *Теория государства и права* : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько; *Любашиц В. Я.* Указ. соч.

²⁴ *Скурко Е. В.* Принципы права в современном нормативном правопонимании. М., 2008. С. 4.

ва представляется нецелесообразным»²⁵. Считая принцип права «идеей», закрепленной в профессиональном правосознании, автор полагает, что она не способна проявить себя самостоятельно и делает это посредством преломления через правосознание юриста. Однако объектом интерпретации при этом выступают конкретные правовые нормы в их взаимосвязи. Следовательно, при выведении принципов права используется систематический способ толкования.

Выступая в качестве «моста» между абстрактностью и казуистичностью правового регулирования, правовые принципы не устанавливают право, но только описывают, конкретизируют уже установленное, и, следовательно, источником права выступать не могут²⁶.

Поднимавшаяся еще в дореволюционную эпоху проблема принадлежности принципов права двум сферам — правосознанию и тексту нормативных актов — решается в современном правоведении путем предлагаемых терминологических разграничений. Некоторые ученые видят необходимость различать понятие «правовой принцип» как исходную идею правовой системы, включающую в себя в том числе и элемент правосознания, и «принцип права» в качестве текстуально закрепленной идеи²⁷, либо даже самостоятельной формы права²⁸. Объектами интерпретации в данном случае служат категории «правовая система», «система права» и «система законодательства».

В зависимости от конкретности их законодательной формулировки Н. С. Малеин предлагает различать «принципы-нормы» и «принципы-законоположения»²⁹. Первые, по его мнению, не обладают признаком нормативности ввиду их нечеткого изложения в нормативных актах, либо отсутствия такового. Такое утверждение выглядит сомнительно, поскольку ввиду отсутствия у данного автора необходимой аргументации практически невозможно понять, почему ч. 2 ст. 2 Конституции РФ, провозглашающая верховенство Конституции и федеральных законов на государственной территории, является «четкой нормой», а ст. 58 Конституции РФ, устанавливающая обязанность каждого сохранять природу и окружающую среду, — «нечеткой».

Указанные тенденции отражают все еще имеющееся стремление опосредовать принципы права их текстуальным изложением. Однако, наряду с ними, в современном правоведении существует и ценностная интерпретация правовых принципов, отражающая их сущностные моменты вне зависимости от нормативного контекста. Ряд авторов, хотя и придерживаются нормативного понимания принципов, указывают на отра-

²⁵ Скурко Е. В. Принципы права в современном нормативном правопонимании. С. 28.

²⁶ Там же. С. 28, 35.

²⁷ Скурко Е. В. Правовые принципы в правовой системе, системе права и системе законодательства : теория и практика // Правоведение. 2006. № 2. С. 57—58.

²⁸ См.: Еришов В. В. Классификация принципов российского гражданского права // Рос. юстиция. 2009. № 4. С. 14.

²⁹ Малеин Н. С. Правовые принципы, нормы и судебная практика // Гос. и право. 1996. № 6. С. 13.

жение ими ценностного назначения права³⁰. Другие — непосредственно рассматривают сами правовые ценности³¹. И хотя о правовых принципах в таком случае не упоминается, по сути речь идет именно о них. Ценности права являются теми идейными доминантами, которые, зарождаясь в системе общественных отношений, преломляются сквозь правовую реальность. «В качестве высоких идеалов они пронизывают общественное правосознание и становятся основными принципами права»³². Они конкретизируются в правах и свободах человека и характеризуют личность как средоточие всех ценностей.

Разумеется, не все ценности в праве могут претендовать на статус правовых принципов. Материальные блага, человеческие поступки, волевые феномены, цели, общественные отношения также являются правовыми ценностями, поскольку лежат в основе права и правопорядка. Однако как основные ценности права рассматриваются лишь некоторые: свобода, равенство, справедливость. Отдельные ученые склонны даже называть их признаками права³³.

Ценностная интерпретация правовых принципов приводит к появлению в современном правоведении концепции об их принципиальной историчности. Здесь можно усмотреть влияние идей нового направления в современном правопонимании — философской герменевтики, поскольку само право в таком случае рассматривается как незавершенный феномен³⁴. Х. Лломпарт, отвергая схоластическую теорию обстоятельств при неизменности принципов права, говорит, что историчными являются сами принципы, а не обстоятельства их применения. Для обоснованности неизменности юридических принципов необходима их более точная формулировка. Однако мы все равно не сможем учесть всех исключений из общего принципа, что уже опровергает его вероятную неизменность. А если бы мы их и учли, то вместо принципа получили бы описание конкретных случаев.

Лломпарт выдвигает два тезиса: 1) принципы права являются историчными, что открывает возможность для разнообразных исключений; 2) признание историчности не означает тотального релятивизма, поскольку принципы изменяются не произвольно, а под влиянием объективных обстоятельств. С одной стороны, это обуславливает относительность принципов, так как их рассмотрение каждый раз опосредовано конкретными обстоятельствами. С другой стороны, при изменении принципа всегда существует более общий принцип, который обеспечивает непрерывность.

³⁰ См.: Любашин В. Я. Указ. соч. С. 294; Малеин Н. С. Указ. соч. С. 12.

³¹ См.: Поляков А. В. Общая теория права. Феноменолого-коммуникативный подход : курс лекций. СПб., 2003; Философия права : учебник / под ред. О. Г. Данильяна. М., 2005.

³² Философия права : учебник / под ред. О. Г. Данильяна. С. 257.

³³ См.: Нерсесянц В. С. Философия права. М., 1999.

³⁴ См.: Пивоваров Ю. С. Идеальные первоосновы права : философские проблемы теории права / Право XX века : идеи и ценности : сб. обзоров и рефератов. М., 2001. С. 48.

На наш взгляд, современные теоретико-правовые представления о принципах права могут и должны быть расширены посредством идей философской герменевтики. Историчность принципов и их присутствие в сфере общественного правосознания делают необходимым их выявление как явных или скрытых факторов формирования законодательного текста. Правовые принципы являются частью «герменевтического круга», так как формируют «предпонимание» интерпретатора. Они выступают исходными началами, отправными пунктами правовой интерпретации, и в то же время — являются ее самостоятельным объектом. Указанная историчность принципов права заставляет нас каждый раз уяснять их актуальное для времени создания нормативного акта содержание. Наряду с этим историческая изменчивость правовых принципов (согласно теории Лломпарта) согласуется с герменевтическими идеями об открытости процесса интерпретации и способствует формированию «круга понимания»: изменение смысловой нагрузки исходных принципов влечет переосмысление отдельных правовых норм, которые при применении к конкретным общественным отношениям постепенно выявляют изменение общественных потребностей, что, в свою очередь, катализирует смысловую корректировку актуальных принципов права.

Под влиянием идей философской герменевтики может быть полнее раскрыто само содержание основополагающих правовых принципов (свободы, справедливости, равенства). Так, П. Рикером уже положено начало герменевтическому осмыслению справедливости³⁵, что создает основу для дальнейших научных изысканий в этой области.

Принципы права представляют собой тем более интересный объект исследования с точки зрения философской герменевтики, что, воплощая в себе идеи высшего порядка, они осознаются каждым, но при этом труднее всего выразимы в слове. По мысли В. Д. Каткова, «всякая такая идея... если и может быть обозначена словом, то не познается в нем, а требует для усвоения напряженной внутренней работы, в которой задействованы различные духовные силы человека — ум и чувство, представления и ощущения»³⁶. Таким образом, философская герменевтика как научное направление, акцентирующее внимание не только на традиционных рациональных, но и на иррациональных аспектах познания, может внести значительный вклад в выявление иррациональной природы принципов права и проблем их рационализации в правовом тексте.

³⁵ См.: Рикер П. Справедливое. М., 2005.

³⁶ Катков В. Д. К анализу основных понятий юриспруденции. Харьков, 1903. С. 165.

Воронежский государственный университет

*Малиновская Н. В., преподаватель
кафедры теории и истории государства
и права*

E-mail: ilbas@mail.ru

Тел.: 20-82-76

Voronezh State University

*Malinovskaya N. V., Lecturer of the
Theory and History of the Government and
Law Department*

E-mail: ilbas@mail.ru

Tel.: 20-82-76